

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ОПИСАТЕЛЬНОМ, СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ И ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

УДК 81

Э.Г. Куликова

Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»

г. Ростов-на-Дону, Россия

kulikova_ella21@mail.ru

ПАЛИТРА СМЫСЛОВ: ЭСТЕТИЧЕСКАЯ НОРМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ¹

[*Kulikova E. Palette of meanings: aesthetic norm in a literary text*]

Distinction between intentional and unintentional anomalies is traditional, in fact, intentional anomalies can be identified with normative phenomena. The author of the article includes archaisms into useful anomalies, which are used intentionally. All that contributes to translation of important discourse meanings is contextually successful and aesthetic. Contextual norm is close to aesthetic one. The use of archaisms is based on the category of measure. The skillful use of archaisms provides creating all the main qualities of a good speech – clearness, correctness (conformity to the context (situational) norm), relevance and beauty.

Key words: archaisms, aesthetic norm, the context norm, literary text, the language system.

Наряду с тем, что нормативное признается образцовым и единственно правильным, все-таки все отчетливее звучит мысль, что в художественном тексте доминируют какие-то иные нормы. Писатели, «отступая от нормы», в то же время не нарушают ее, а скрупулезно выполняют «точный» чертеж, будто восстанавливая упущенное и дополняя его грамматическим описанием. По замечанию Ролана Барта, язык не просто используется в дискурсе, в дискурсе осуществляется работа по компенсации языка: язык будто одаривается дискурсом, дискурсом восполняются лакуны, существующие в языке [2]. Только тогда можно осознать неповторимость авторского употребления, в то время когда норма традиционно понимается как стандартное использование единиц языка. Толковые словари и традиционные грамматики представляют именно картину стандартного употребления. Контекстная норма близка к эстетической. Эти обозначения выражают мысль: все, что способствует трансляции важнейших дискурсных смыслов, является контекстуально успешным и эстетичным.

Современные научные направления в развитии лингвистики демонстрируют отход от запретительного, консервативного, одномерного понимания нормативности. Запретительной нормативности предпочитают рекомендательную. Статья Л.П. Крысина с характерным названием «Толерантность языковой нормы» [5] показательна в этом отношении. Социально-политические идеи экстраполируются на лингвистику. Понятие толерантности позволяет рассматривать языковую норму в качестве «социального конструкта, обусловленного не внутренней языковой системой, а важными событиями в жизни социума». Со-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00037

гласно функциональному толкованию системы необходимо учитывать, что целостность элементов системы и их взаимоотношения определяются функцией, внутренне присущей ей как адаптивной самоорганизующейся системе. Будучи способной к адаптации, система может в разных средах функционировать по-разному. Понимание языковой системы в качестве гомеостата, саморегулирующейся системы корректно относительно функционального поворота в лингвистике, который связан с исследованием языковой нормы. Таким образом, в современной лингвистике утвердилась новая теория нормы – теория «выбора», а не «запрета». В связи с отступлением от консервативных традиций норма перестает трактоваться как нечто догматическое. Динамичность и изменчивость нормы вследствие перехода лексики из пассивного словаря в общеупотребительный обуславливается иерархией, задачами целого, поэтому и не может быть направлена против целого. Изменчивость нормы должна тем не менее помогать в сохранении вариантности и способствовать устойчивому соотношению вариантов. При плюралистическом подходе в исследовании категории нормы, «отклонение от нормы», девиация не противопоставляется абсолютной норме, а соотносится с ней как норма, но оцениваемая с позиции другой нормы. Коммуникативные нормы тоньше и детальнее, нежели системные, в то же время они демократичны и с их помощью создаются условия для индивидуализации языка. Традиционным становится различение интенциональных и неинтенциональных аномалий, фактически интенциональные аномалии могут быть уподоблены нормативным явлениям. Архаизмы можно отнести к полезным аномалиям, к таким, которые используются преднамеренно. Самая популярная сегодня классификация системной нормы связана с уровневым делением: орфоэпические, лексические, грамматические нормы. Следовательно, лексическая норма – общая норма языка применительно к его лексическому уровню. На каждом уровне языка соотношение между языковой системой и нормой не является однозначным. Слово может быть транслятором информации о норме, функциональном стиле или идиостиле писателя. По словам М.М. Бахтина, любое слово в этом смысле «преднаходимо и полифонично» [3, с. 311]. Ср.: *И день настал. Встает с одра /Мазена, сей страдалец хилый./ Сей труп живой, еще вчера /Стонавший слабо над могилой/* (А.С. Пушкин «Полтава»); «*Сей остальной из стаи славной /Екатерининских орлов!*» (А.С. Пушкин «Перед гробницею святой»).

В.Г. Белинский по поводу использования в этом отрывке слова *сей* писал, что его нельзя заменить, «а *этот*, если бы и подошло под меру стиха, только бы все испортило» Цит. по: [7]. Следовательно, форма, которая воспринималась как архаичная еще во времена Пушкина, сегодня соответствует контекстной (ситуативной) норме. Еще с времен античных риторик одним из важнейших качеств хорошей речи была уместность, она обеспечивается адекватностью языковых средств целям и условиям общения. Наиболее уместно использование архаизмов в текстах, повествующих о прошедших эпохах. Еще А.С. Пушкин обратил внимание на трудности, которые связаны с использованием архаизмов при воссоздании колорита исторической эпохи. В статье «Юрий Милославский, или русские в 1612 году» А.С. Пушкин писал, что за Вальтером Скоттом последовала «целая толпа» подражателей, увлеченных его творчеством. Но творчество их все-таки далеко было от творчества «шотландского чародея», А.С. Пушкин сравнивает их с учеником Агриппы, он пишет, что ими был вызван «демон» из старины, но они не сумели управлять им, и потому стали сами жертвами своей «дерзости» [6]. Характерно, что Вальтер Скотт придерживался мнения, согласно которому языковые ресурсы, используе-

мые автором, не должны быть непонятными и устарелыми, по возможности автор не должен использовать и только современные языковые средства. Одно дело пользоваться словами и оборотами при описании чувств, свойственных в равной степени и нам, и нашим предкам, но совсем другое наделять героев, живших в одну историческую эпоху, переживаниями и речью, которые были характерны для другой исторической эпохи. Поэтому Вальтер Скотт не копирует слепо язык ушедших эпох и использует небольшое количество архаизмов. При отборе архаичных слов и выражений он в первую очередь отдает предпочтение таким, в кругу значений которых есть не только устаревшие, поэтому такие слова оказываются более понятными читателю. Ю. Нагибин в очерке «Царско-сельское утро» использует архаизмы в качестве «проводника» в другие эпохи: *И бедный Кюхля претерпел от понимающего его и даже по-своему ценящего Пушкина куда больше уязвлений, нежели от всех остальных остряков-недоброжелателей.* В этом очерке Ю. Нагибин пишет о том, что Пушкин «провидел» судьбу и уготованную ему ношу – «сблизить слова со смыслом, выловить в хаосе звуков истинные обозначения вещей и явлений, дать литературе живую речь», не искаженную непрошенными «зашельцами», то есть «провидел» судьбу создателя русского литературного языка.

На категории меры основан самый важный принцип употребления архаических слов. Создавая «архаические», знаменитые анекдоты Козьмы Пруткова, братья Жемчужниковы использовали только два-три слова, служившие приметам эпохи. Л.В. Гинзбург также указывает на необходимость дозированного использования архаизмов при переводе. Хотя способ «передачи» архаизмов уже давно является предметом дискуссий на тему перевода, конечно, никто не может определенно сказать, где находить и какие старые слова использовать при переводе текстов старины, если не считать неизбежных и затасканных *вкушать, нежели, коль, столь, сколь, вотще, ежели* и пр. По мнению известного переводчика Л.В. Гинзбурга, дело не только в использованной лексике, но также и в интонации, манере, темпе речи и в том, какой угол зрения избран переводчиком. В оригинале подавляющего числа произведений, независимо от того какому времени они принадлежат, используется современный относительно своего времени язык. И уже именно переводчик принимает решение: нужно ли подчеркивать отдаленность той, когда-то современной и живой языковой стихии, от нашей языковой стихии, или все-таки необходимо вернуться к изначальной живости звучания. О своих переводах Л.В. Гинзбург пишет, что всегда отдавал предпочтение легкому, условному налету старины перед тяжеловесными архаизмами, стремился, чтобы архаизмы своим грузом не давили стих, в его текст «архаизмы лишь вкрапливались» [4].

Еще Аристотель писал о сознательном использовании «чуждых» слов, он писал, что язык нужно делать «чуждым», поскольку тому, что далеко, изумляются, и приятным оказывается то, что изумляет [1]. Уместность (или неуместность) использования «чуждых» архаизмов тем или иным автором нередко оценивалась по-разному.

Таким образом, умелое употребление архаизмов не только не препятствует, а, напротив, помогает сформировать все главные качества хорошей речи – ясность, правильность (соответствие контекстной (ситуативной) норме), уместность и красоту.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
2. *Барт Р.* Нулевая степень письма // Семиотика. М.: Академический проект, 2001.
3. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества: Сборник избранных трудов. М.: Искусство, 1979.
4. *Гинзбург Л.В.* Разбилось лишь сердце мое... // *Гинзбург Л.В.* Избранное. М.: Советский писатель, 1985.
5. *Крысин Л.П.* Толерантность языковой нормы // Язык и мы. Мы и язык. Сборник статей памяти Б.С. Шварцкопфа / Отв. ред. Р.И. Розина. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006.
6. *Пушкин А.С.* Полное собр. соч.: В 16 т. М.: Изд. АН СССР, 1937. Т. II.
7. *Ревякин А.И.* О социально-эстетической роли архаизмов // Вопросы филологии. М.: Наука, 1969.

14 ноября 2016 г.
